

А.М. КУЗНЕЦОВ

ФЕМИНИЗМ И ЛИНГВИСТИКА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

В парадигме современного научного знания гендер является таким же ключевым понятием, как класс, род, нация. Более того, в ситуации радикального отказа от марксистско-ленинской догматики в начале 90-х годов постсоветская академическая наука оказалась довольно восприимчивой к иным теориям, иным дискурсивным практикам, и гендерный подход, несомненно, входит в их число.

В монографии М.В. Ласковой (Ласкова 2001), содержащей развернутую вводную часть, рассматривается история гендерных исследований вообще и лингвистически направленных в частности. Автор справедливо отмечает, что понятие «гендер» заимствуется из западной социологии, где гендер – это конструкт, в основе которого лежат три группы характеристик: биологический пол, полоролевые стереотипы и так называемый гендерный дисплей – многообразие проявлений, связанных с предписанными обществом нормами мужского и женского взаимодействия. Существует понимание гендера в качестве мыслительного конструкта. Гендер – это научная дефиниция, определяющая социально-культурные функции пола и позволяющая отличать эти функции от функций биологических (равно как от биологического пола – sex). Позже гендер стал пониматься расширительно. Гендер – это социальный конструкт, реально (а не только мыслительно) существующая система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, подтверждается и

воспроизводится представление о мужском и женском как категориях социального порядка.

За рубежом гендерные исследования интенсивно развивались в 70-е годы, представляя собой теоретическое продолжение «второй волны» феминистского движения. «Первая волна» (1848–1920) – период, когда главной задачей было достижение формального, юридического равенства. С 60-х годов говорят о «второй волне» феминизма, и борьба идет уже за достижение фактического равноправия.

Многие исследователи отмечают, что гендерное направление возникло в русле феминизма, однако отличается от последнего предметом, тактикой, целями. Гендерная теория постулирует изучение ролей как женщины, так и мужчины, имея целью эмансипированное общество. Гендерные теории сегодня – это широкая междисциплинарная парадигма исследований социальных и культурных реализаций биологического пола; гендерный фронт представлен множеством различных идеологий, однако основой его является представление о социальной конструкции пола как элемента культуры и социальной стратификации.

Гендер – это одно из базовых измерений социальной структуры общества наряду с классовой принадлежностью, возрастом и другими характеристиками, организующими социальную систему. Гендер – это и социальный статус, который определяет индивидуальные возможности. А так как социальные статусы действуют в рамках культурного пространства, то гендеру как статусу соответствует гендерная культура.

В качестве междисциплинарной парадигмы гендер включает в себя такие направления, как гендерная лингвистика, гендерная история, гендерная психология, гендерная социология. Гендерная история занялась детальным рассмотрением женского опыта, не признававшегося традиционной историей. Первые исследования в этом направлении руководствовались идеей найти неизвестных нам великих женщин, сведения о которых могут быть в архивных источниках; позднее задача стала осознаваться как создание новых исторических категорий, основанных на восстановлении исторического опыта женщин, «сделать видимыми всех безвестных статисток мировой истории» (Пушкирева 1998, с. 168). Особая версия истории была названа с помощью неологизма *herstory* (ее истории) в противовес *history*, которое прочитывалось как *his story* – его истории.

К началу 80-х годов число исследователей (главным образом исследовательниц), увлеченных идеей изменить представление о прошлом и «вписать» в него женщин, выведя их из тьмы истории, стало расти в геометрической прогрессии. Были выпущены сотни книг: конкретно-исторических, общетеоретических, интерпретирующих. Внимание историков и социологов было обращено, например, на ситуацию гендерного конфликта, когда приписывание пола затруднено из-за отсутствия маркеров (в нашей отечественной истории кавалерист-девица начала XIX в. Надежда Дурова), а внимание психологов — на то, в каком возрасте и как происходит «рекрутирование» гендерного самосознания.

Что касается гендерной лингвистики, то многие исследователи указывают, что она в своих истоках связана с феминистской критикой языка. Д.О. Добровольский и А.В. Кирилина обращают внимание на весьма существенную гетерогенность подобных изысканий и выделяют в самом общем виде некоторые направления гендерных исследований в области языкоznания (Добровольский, Кирилина 2000, с. 21).

1. Направление, основанное на философии постмодернизма, понимаемой широко. Исследователи, принадлежащие к этому течению, настаивают на применении дерридеанского деконструктивизма, позволяющего вскрыть отношения господства и подчинения, «фаллологоцентризм» языка и общественного сознания. Существенную роль в формировании этой концепции сыграл феминизм, не скрывающий своей идеологической ангажированности.

2. Исследования диагностического характера, например автороведческая криминалистическая экспертиза. В этом случае преследуется сугубо практическая цель — установление повторяющегося комплекса признаков, позволяющих с высокой степенью вероятности идентифицировать пол анонимного автора. Причинам возникновения самих отличительных признаков (т.е. их био- или социокультурной детерминированности) уделяется меньше внимания. Сюда же можно отнести исследования по экспертной фоноскопии в криминалистике (Потапова 2000). Речь идет об идентификации личности по голосу и речи и включает распознавание (помимо пола) и других признаков говорящего (возраст, социальная принадлежность, язык, состояние и т.д.). Это в конечном счете приводит к созданию своего рода «портрета» говорящего. В набор идентифицируе-

мых индивидуальных признаков, наряду с признаками принадлежности к определенному диалекту и социолекту, входят признаки «сексолекта». Обосновывая ввод данного термина, Р.К. Потапова указывает, что он «наиболее полно отражает наличие ряда особенностей, присущих индивидууму не только с учетом его исконного (базового) физиологического пола, но также и имитируемого противоположного пола, что в настоящее время достаточно широко практикуется в криминальной среде как с помощью специальных программных и аппаратно-программных средств... так и путем индивидуальных “преобразований” применительно к имитации противоположного пола у трансвеститов и физиологического изменения пола у транссексуалов» (Потапова 2000, с. 137).

3. Экспериментальные исследования, смыкающиеся с психиатрией и нейролингвистикой, целью которых является установление когнитивных различий, вызванных различным гормональным балансом мужчин и женщин.

4. Социолингвистические исследования различной направленности.

5. Кросскультурные и лингвокультурологические исследования (представленные в меньшем объеме, чем все остальные).

Становление новой научной дисциплины в России происходит в ситуации, в которой стимулируется и начинает доминировать первое направление, которое во многих случаях сильно идеологизировано. Связывая данный процесс с ростом феминистской идеологии, авторы пишут: «Исследователям, имеющим опыт жизни в СССР, весьма хорошо известно, какие ограничения накладывала на свободу научного поиска марксистская идеология, поэтому нет никаких оснований утверждать, что любая другая идеология (в том числе феминистская) скажется на развитии науки более благотворно» (Добровольский, Кирилина 2001, с. 21). В работе отмечается как общий недостаток российских гендерно-лингвистических исследований феминистского толка, что для многих из них характерно пренебрежение требованиями научности, в частности, запретом на имплицитные экстраполяции. Часто наблюдается (не обсуждаемое специально, а как бы само собой разумеющееся) приписывание лингвистическим категориям содержательных характеристик, как правило, идеологически нагруженных в своей основе. Эти характеристики, само наличие которых неверифицируемо в рамках лин-

гистики, иногда берутся за основу дальнейшей аргументации, что с неизбежностью приводит к выводам, валидность которых не может быть доказана.

Давая там же критический разбор некоторых работ зарубежных русистов, на которые часто ориентируются отечественные лингвисты указанного направления, Добровольский и Кирилина предостерегают от опасности ангажированности и утраты свободы научного творчества. Кроме того, эти русисты, ориентированные, главным образом, на изучение андроцентрических структур русского языка, не учитывают следующие факты лингвистического и экстралингвистического характера.

1. Язык отражает значимые для данной культуры параметры. Следовательно, нечеткое разграничение по полу, большая вариативность способов выражения (или невыражения) пола могут означать его нерелевантность во многих коммуникативных ситуациях. Возможно, в коллективном сознании представителей разных культур пол человека значим в разной степени, как и психологическая связь пола и категории рода.

2. Исследование гендерных аспектов языка не должно игнорировать внутриязыковые закономерности (аналогию, языковую экономию, фонологические особенности и т.д.); следует отвлечься и от гиперболизации семантико-символической функции категории рода, так как она имеет также ряд других функций, роль которых нельзя недооценивать.

Недооценка как лингвистических методов исследования, так и законов развития и функционирования самого языка приводит к результатам, адекватность которых можно поставить под сомнение. «Нет оснований отрицать андроцентричность русского языка. Факт андроцентричности естественного языка доказан во многих работах и является, по всей видимости, универсальным. Однако степень андроцентричности разных языков может быть различной и зависеть от специфики концептуализации понятий в данном языке, а также от особенностей самого языка. Определение культурной специфики какого-либо концепта, в том числе и концептов “женственность” и “мужественность”, должно проводиться при помощи ряда взаимодополняющих методик», – пишут Д.О. Добровольский и А.В. Кирилина (Добровольский Д.О., Кирилина А.В. 2001, с. 33).

Феминистская лингвистика выделяет следующие черты языковой андроцентричности (под андроцентричностью или андроцентризмом языка понимают наличие в нем гендерной асимметрии в пользу мужчин):

- 1) отождествление понятий «человек» и «мужчина»; во многих языках они обозначаются одним словом;
- 2) производность имен женского рода;
- 3) применение имен мужского рода к референту-женщине осознается как допустимое и повышающее ее статус; наоборот, номинация мужчины формой женского рода несет негативную оценку;
- 4) механизм включенности (учитель – и мужчина, и женщина);
- 5) синтаксическое (не смысловое) согласование;
- 6) феминность и маскулинность резко разграничиваются как полюса и противопоставляются друг другу в качественном отношении (положительная и отрицательная оценки) и в количественном отношении (доминирование мужского как общечеловеческого).

Все эти явления создают гендерную асимметрию, которая была подробно исследована на материале английского и немецкого языков. Был сделан вывод о языковом сексизме, т.е. патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке, и навязываемой носителям языка такой картины мира, в которой женщина, во-первых, играет второстепенную роль, а во-вторых, обладает негативными качествами.

Итак, категория «гендер», введенная в понятийный аппарат науки в конце 60-х – начале 70-х годов и используемая сначала в истории, историографии, социологии и психологии, была воспринята лингвистикой и оказалась плодотворной для pragматики и антропоцентрического языкоznания в целом. Что касается России, то здесь гендерные исследования не были характерны вплоть до последнего десятилетия. По замечанию А.В. Кирилиной (Кирилина А.В. 2000, с. 88), корректнее говорить не об отсутствии интереса к проблемам гендера в России, а об отсутствии соответствующей дискурсивной практики, потому что в отечественной психолингвистике были исследования речи мужчин и женщин, изучалось влияние половозрастных особенностей говорящего в процессе вербальной коммуникации, анализировалось воздействие фактора «пол» на поведение информантов в ассоциативном эксперименте.

«После десятилетий существования за «железным занавесом» и отрыва от западных теорий и влияний российские ученые оказались пе-

ред задачей ускоренного усвоения и переработки многочисленных течений, направлений и школ, которые развивались на Западе в определенной последовательности и с определенной логикой» (Шоре, Хайдер 2000, с. 13). Большую роль в этом процессе сыграли Летние школы по гендерным исследованиям в России 90-х годов: «Валдай-96» в Твери, «Волга-97» в Тольятти и «Азов-98» в Таганроге (см. об этом: Хоткина 2000, с. 249–257). В 1999 г. в России проходит первая Международная конференция по гендерной лингвистике: «Гендер: язык, культура, коммуникация» (ноябрь, Москва). В 2000 г. третий номер журнала «Филологические науки» был целиком посвящен гендерной проблематике. Большая часть статей (притом, что гендерные исследования имеют интердисциплинарный характер и предполагают интерес со стороны широкого круга читателей) связана, однако, с проблемами литературоведения, с процессом создания канона и пр. К концу 90-х годов в российской наукеочно утвердилось мнение, что гендерный подход представляет собой полезный познавательный конструкт. Гендерная проблематика оказывается в центре многочисленных (в том числе международных) конференций, симпозиумов, «круглых столов» и выставок. Открываются центры, пишутся учебники, издаются книги – в общем, Россию охватила настоящая «гендерная лихорадка» (Шоре, Хайдер 2000, с. 10).

Гендерные исследования соответствуют антропоцентрическому (или антропофильскому) направлению в лингвистике, при котором «язык рассматривается в широком экзистенциональном и понятийном контексте бытия человека – в тесной связи с сознанием и мышлением человека, с его духовным миром. Истоки современного антропоцентризма связаны с идеями В. Гумбольдта о том, что язык – это зеркало культуры, отражающее интуиции и миропредставления; язык участвует в важнейших моментах культурного творчества – в выработке миропредставлений, их фиксировании и последующем осмысливании; язык одновременно – источник, питающий культуру своими интуициями, и орган осознания этих интуиций. Востребованность идей В. Гумбольдта в современной лингвистике нашла отражение в лозунге конца XX в.: «Вперед к Гумбольдту!». Сегодня характерна «твердая установка на антропоцентричность всякого бытия, и прежде всего – языкового» (Николаева 2000, с. 15).

При всей популярности гендерных исследований и соответствии их магистральному (антропоцентрическому) направлению науки сам термин «гендер» вызывает противоречивые оценки (уже по-

тому, что не является исконным). Термин происходит от англ. *gender* (род, пол), восходящего, в свою очередь, к лат. *genus*. До недавнего времени в бытовой английской речи это слово употреблялось как синоним (иногда шутливый) слова *sex* (пол). В настоящее время эти две лексические единицы полностью разошлись, так как *gender* стало обозначать поведенческие, культурные и психологические особенности, ассоциируемые с половой принадлежностью. «Гендер» функционирует в англоязычной лингвистической литературе и в старом значении «род» (грамматическая категория рода).

Приемлемого русского эквивалента термину «гендер» не существует, и это значимое отсутствие свидетельствует не об индифферентности языка и репрезентируемой им культуры к тому, что обозначается этим термином, а о том, что первенство в изучении проблемы принадлежит англоязычным теоретикам. «Термин “гендер” возник в англоязычном пространстве и является английским омонимом грамматической категории рода, что в ряде случаев приводит к неясностям в лингвистических описаниях: с одной стороны, продолжают использоваться выражения типа *sex role*, *sex difference* даже тогда, когда речь идет о культурной и социальной значимости пола. А с другой стороны, заметно стремление применить новый термин, говоря о биологическом поле: *natural gender*» (Кирилина 2000, с. 20).

В отечественном языкоznании термин «гендер» находит широкое применение, хотя многим исследователям кажется приемлемым термин «пол», ибо в отличие от английского языка он не идентичен понятию «секс». С.А. Ушакин (Ушакин 1999, с. 83) высказался против применения понятий, «не имеющих адекватных символических форм в русском языке». Вместо «гендера» предлагается «социальный пол». А.В. Кирилина (Кирилина А.В. 2000 с. 21) отмечает продуктивность дериватов: гендерные исследования, аспекты, отношения, гендеристы, гендерология. Л.В. Полубличенко (Полубличенко Л.В. 2000, с. 56), напротив, считает, что процесс ассимиляции термина «гендерный» протекает достаточно трудно: его сочетаемость пока достаточно ограничена, словообразовательные возможности практически отсутствуют, «не прижилось даже соответствующее однокоренное существительное – гендер». В то же время все признают абсурдность выражений типа «половые исследования» (ср. название регулярных изданий «Гендерные исследования», «Гендерные тетради»).

По мнению Е.А. Косых (Косых Е.А. 2001, с. 291), соотношение понятий «гендер» и «пол» может быть раскрыто следующим образом. Природный пол является компонентом значения лексических единиц, воспроизводящих экзистенциальные параметры индивида. Гендер отражает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на данном историческом этапе. Таким образом, понятие «гендер» охватывает более широкие слои языка, нежели лишь те единицы, в семантику которых входит компонент «пол».

Гендерную лингвистику часто называют самостоятельной областью современной социолингвистики. Действительно, интерес к гендерному фактору зародился в недрах социолингвистики. Тема «Язык и пол» в начале XX в. привлекла О. Есперсена (Jespersen 1925). О. Есперсен в книге «Язык: его суть, происхождение и развитие» посвятил целую главу мужскому и женскому языку. Опираясь на сведения миссионеров, путешественников, он приводит примеры из языков островов Карибского архипелага. Там в некоторых племенах женщинам категорически запрещалось использовать «мужские» речевые средства, и наоборот. То же в индейских племенах: в Боливии в племени чикито мужчинам разрешалось употреблять одни суффиксы, женщинам – другие. В языке зулу женщине запрещалось произносить имена ближайших родственников мужа мужского пола, она должна была говорить о них косвенно или описательно.

Сведения о первобытных языках, в которых существовали мужской и женский варианты, побудили лингвистов к поискам соответствующих различий в цивилизованных языках. О. Есперсен заметил, что женщины чаще остаются монолингвальными, а мужчины быстрее усваивают иностранные языки. Установлено, что женщины более консервативны в использовании языка, более склонны к эвфемизмам и менее – к ненормативной лексике.

Развитие социолингвистики в 60–70-е годы предоставило в распоряжение ученых обширный статистический материал о функционировании языка в группах людей, объединенных по профессии, возрасту, полу, городскому или сельскому образу жизни, и позволило уточнить многие прежние выводы. В частности, было установлено, что женщинам свойственно употребление более престижных вариантов произношения. Отмечено наличие различ-

ных стратегических предпочтений в использовании слов и фразеологизмов с коннотативным макрокомпонентом значения: для женской речи характерна более высокая концентрация таких единиц, чем для мужчин. В русском языке есть специфические «женские выражения» (междометия, выражающие эмоции, эмоционально-оценочные слова типа *прелестный*, фразеологизмы типа *с ума сойти!*) и специфически мужские (например, фразеологизмы *дать прикурить, будь здоров, дело дрянь, это вещь!*). Мужчины в отличие от женщин чаще употребляют в своей речи слова и фразеологизмы, отличающиеся сниженностью и пейоративностью. Причем зачастую они прибегают к шутливому огрублению своей речи, казалось бы, в немотивированных ситуациях и даже для выражения мелиоративной оценки применяют пейоративно-оценочные единицы, подвергающиеся в этом случае реверсии.

В рамках феминистской критики языка основополагающей стала работа Р. Лакофф (Лакофф 1973), где обосновываются андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизведенной в языке. Речь идет о таких «асимметриях» в системе языка, с помощью которых женщинам отводится второстепенная роль (преобладание мужских форм в грамматике, механизм «включения»: учитель – и мужчина, и женщина и т.п.). Все это в «гендерно пораженном» языке создает и воспроизводит дискриминацию. Позже эта позиция была уточнена: «андроцентризм» присущ всем языкам, функционирующими в христианских и мусульманских культурах, но в разных языках проявляется с неравной степенью интенсивности. Так, андроцентризм русского языка снижен (Кирилина 2000, с. 5). Исследователи, сосредоточившие внимание на изучении мужских и женских особенностей речевого поведения, ввели понятие «гендеролект» – постоянный набор признаков мужской и женской речи. Были определены следующие черты женского речевого поведения: типичность косвенных речевых актов, преобладание форм вежливости и смягченности (например, утверждений в форме вопросов); отсутствие доминантности в речевом поведении (женщины лучше умеют слушать); в целом речевое поведение женщин может быть охарактеризовано как более гуманное.

В смешанных группах такое речевое поведение имеет отрицательные последствия для женщин. Типично женские тактики речевого поведения (уступчивость, кооперативность, более редкое по

сравнению с мужчинами употребление перформативов, иллокуция неуверенности) не способствуют восприятию содержания сообщений, создают впечатление неуверенности и некомпетентности. С другой стороны, если женщина начинает использовать директивные речевые акты, проявлять больше наступательности и меньше кооперативности, такая речевая деятельность воспринимается как неженская, агрессивная. Поэтому встал вопрос о выработке специальных тактик, которые помогли бы женщинам быть услышанными.

Термин «гендеролект» создан в социолингвистике (по аналогии с диалектом и социолектом). В социолингвистике пол — один из социально-демографических признаков, наряду с профессией, возрастом, социальным происхождением, определяющими стратификацию и ситуативную вариантность языка. В 90-е годы во многих трудах по социолингвистике были представлены характеристики типичного женского языка. Утверждалось, к примеру, что словарь женщин содержит в основном слова, связанные с присущей женщинам сферой интересов (*Kinder* — «дети», *Küche* — «кухня», *Kleider* — «платья»), что женщины говорят на слашавом, приукрашенном языке, потому что постоянно боятся кого-нибудь обидеть, что они часто употребляют специальные маркеры, ограничивающие поле действия сказанного («мне кажется», «ты знаешь»), прибегают к подстраховочным вопросам («Не правда ли?»), используют много эмфатических наречий, в целом же говорят правильнее мужчин (гиперкорректны), не используют ругательств и даже «не рассказывают шуток» (Same1 1995, р. 31).

Е.А. Земская (Земская Е.А. 1993, с. 90–136) установила, что женщинам более свойственны фатические речевые акты, они легче переключаются, меняют роли в акте коммуникации (мужчины чаще обнаруживают «психологическую глухоту», не реагируют на реплики), в речи женщин менее сильно влияние фактора профессии, чем в речи мужчин. Женское ассоциативное поле более обобщенно и гуманистично (природа, животные, повседневная жизнь), а мужчины ассоциируют себя со спортом, охотой и военной сферой.

В то же время в 90-е годы стало очевидным, что вопросы разграничения гендерного и иных факторов, влияющих на языковую компетенцию и коммуникацию, представляют большую сложность и нуждаются в тщательной проработке. Была создана гипотеза пере-

ключения кодов: женщины могут переключаться с одного речевого кода (женского) на другой (мужской) в зависимости от ситуации.

К. Кристи в своей монографии демонстрирует возможности и продуктивность исследования гендерных характеристик языкового употребления в аспекте лингвопрагматики (Christie 2000). Она полагает, что прагматика обеспечивает надежную теоретическую основу для эмпирических исследований по гендерной проблематике с акцентом на изучение живого употребления языка. И одним из полезных результатов эмпирических исследований в терминах прагматики автор считает установление того факта, что прагматические принципы, которые в прошлом считались универсальными (и могущими быть использованными во всех случаях), на самом деле оказываются весьма ограниченными.

Эмпирические исследования подобного типа показывают, что вербальное общение может быть основано или на мужских нормах коммуникативного поведения, или на особых типах языкового диалогического взаимодействия, где обе стороны выступают как равноправные субъекты.

Вместе с тем в последних работах по гендерной проблематике (Fishman P., 1998; и др.) исследователи часто отмечают, что существенные расхождения в коммуникативном поведении мужчин и женщин не обязательно обусловлены только половыми различиями. Использование женщинами особых коммуникативных стратегий часто связано с тем, что мужчины их просто не слушают. Обнаруживается, однако, что и мужчины, оказываясь в аналогичной ситуации, когда ими пренебрегают, пользуются теми же «женскими» коммуникативными приемами. В целом же наблюдается нарастающая тенденция рассматривать женскую речь как менее важную и значимую, нежели мужская.

К. Кристи приходит к заключению, что прагматика полезна для феминистических работ по целому ряду причин. И формулирование прагматических принципов межполового коммуникативного общения должно строиться с учетом того, что имплицитно предполагается об отношениях между интерактантами, о гендерной принадлежности говорящих и о мотивах акта говорения. Это тот самый случай, когда прагматика оказывает неоценимую помощь при анализе отношений между гендером и конкретным употреблением языка.

К концу 90-х годов многими исследователями было отвергнуто существование особого женского языка с константными признаками, которые впервые описала Р. Лакофф (Lakoff 1973). Различия мужской и женской речи не столь значительны, не проявляют себя облигаторно в любом речевом акте и не свидетельствуют, что пол является определяющим фактором коммуникации. Поэтому уместнее говорить не об особом гендеролекте, а о некоторых стилистических особенностях мужской и женской речи, тем более что полученные в большинстве исследований данные, касающиеся характерологических особенностей мужской и женской речи, носят крайне противоречивый характер. Тем не менее речь и пол, конечно, взаимосвязаны. Различия в вербальном поведении человека, обусловленные его полом, проявляются на всех уровнях языка, поэтому можно говорить о мужской и женской моделях вербального поведения. Однако констатируемые различия в вербальном поведении человека, которые определяются его полом, носят не инвентарный (наличие отдельных «женского» и «мужского» вариантов языка), а вероятностный характер. Е.А. Земская (Земская Е.А., 1993, с. 133) тоже пришла к выводу, что особенностей в коде (наборе единиц) между мужским и женским языком, по-видимому, не существует, речь может идти только о типичных чертах мужской и женской речи, обнаруживаемых тенденциях употребления языка мужчинами и женщинами.

Феминистская лингвистика, обнаружившая неравные шансы идентификации мужчин и женщин в языке, исходила из того, что язык – не природный, а общественно-исторический феномен и в качестве такового может подвергаться критике и изменениям. В 1980 г. И. Гюнтеродт, М. Хеллингер, Л. Пуш, С. Тремель-Плетц опубликовали книгу «Директивы по избежанию половой дискриминации в языке» (Ласкова М.В., 2001, с.11). Там обращалось внимание на то, что в немецком сравнение женщины с мужчиной звучит как похвала: *Sie steht ihren Mann* «Она хорошо справляется со своим делом». А сравнение мужчины с женщиной – как оскорбление (признак деградации): *Er heult wie ein Weib* «Он ревет как баба». В немецкой фразеологии женщины оцениваются как существа второго сорта.

В 1980 г. в § 611 Гражданского кодекса ФРГ было внесено положение о том, что при объявлении вакансий на рабочие места должны указываться и мужские, и женские обозначения профес-

сии/должности, причем были внесены соответствия женского рода для самых мужских профессий и должностей.

Пафос многих работ по гендерологии состоит в том, чтобы директивным путем избавить язык от сексистских (дискриминирующих по признаку пола) форм и выражений. Прежде всего, это касается использования в обобщенном значении форм мужского рода. Характерно, что антисексистским выражениям иногда отдается предпочтение и в русском научном дискурсе.

Гендерный подход позволяет осмыслять различные модели норм. Так, при кажущемся равноправии оппозиции мужчина/женщина их отношения предстают асимметричными, что наблюдается в иерархических парах, где позитивный член господствует над негативным (белое – черное, свет – тьма, мужчина – женщина). В таких конструкциях «первый элемент всегда воспринимается как более значимый, тогда как второй кажется производным, маркированным, значение которого определяется через первую немаркированную категорию. Традиционно немаркированный элемент возглавляет оппозицию: жених и невеста, дед да баба, мужчина и женщина». В подобных контрастных парах понятий, по мнению Д.Ч. Малишевской (Малишевская Д.Ч., 1999, с. 182), завуалированно утверждается превосходство одного понятия над другим.

Языковой материал, демонстрирующий развертывание парадигмы рода личных существительных на оси комбинаторики (случаи типа граждане и гражданки), подтверждает подмеченную закономерность: коррелят мужского рода практически всегда оказывается первым. Исключение (будем думать – знаковое!) – название новой телепередачи: «Умницы и умники». Впрочем, может быть, тут дело в том, что данная оппозиция нетипична, ее невозможно отнести к привативным с немаркированным мужским родом, ибо умница – скорее существительное общего рода (Ласкова М.В., 2001, с. 12).

Известна зависимость сознания индивида от стереотипов своего языка, ибо «в сознании каждого запечатлена некоторая совокупность текстов, которые и определяют отношение человека к действительности, и его поведение опосредуется дискурсивной практикой. Вследствие этого языку придается исключительное значение, а лингвистика признается центральной наукой, так как сознание индивида уподоблено тексту: человек как субъект растворяется в тек-

ствах-сознаниях, составляющих великий интертекст культурной традиции» (Ильин И.П., 1996, с. 225).

Для языкоznания существенным теоретическим постулатом является культурная обусловленность пола и ее манифестация в языке и коммуникации. Гендерный подход предполагает отражение гендерных отношений в истории языка, изучение пола как культурной репрезентации в лингвокультурологии, лексикографическое кодирование соответствующих единиц языка. Интересные результаты может дать контрастивный анализ, поскольку позволяет установить различия в концепциях, моделировании феномена пола в связи с экзистенциальными характеристиками человека.

Гендерные исследования, как правило, связаны с экстенсивным подходом и обращением к понятийному аппарату различных лингвистических и нелингвистических областей. Так, термин «сексизм» взят из политического дискурса. Этот термин возник в период наиболее активной феминистской критики языка. А.В. Кирилина (Кирилина А.В., 2000) считает, что этот термин имплицирует намерение, которое у языка отсутствует, поэтому предпочтительнее пользоваться нейтральным термином – «гендерная асимметрия».

Гендерный подход к языковому материалу предполагает макро- и микроуровни анализа. Последний дает возможность сосредоточиться на соотношении грамматической категории рода с идеей биологического и социального пола, на способах представления этих смыслов языковыми средствами, на разного типа коннотациях и семантических приращениях, которые сопутствуют номинациям мужского, женского и – частично – среднего рода. По справедливому замечанию А.В. Кирилиной (Кирилина А.В., 2000, с. 2), «исследование в гендерном аспекте поддаются практически все области языка как системы и языка в его функционировании». Между тем существует, на наш взгляд, совершенно явная диспропорция в освещении с гендерных позиций различных сторон (уровней) языка: лучше исследованы лексические единицы, особенно с семантическим компонентом «пол», фразеология («женский голос в паремиях» и под.). Проанализирована роль гендерного фактора в рекламе (см.: Полубличенко 2000), в номенклатурных обозначениях и товарных знаках, осуществлена концептуализация понятий «мужчина» и «женщина» по данным лексикографии и многое другое.

В работе М.В. Ласковой (Ласкова М.В., 2001) предпринята попытка анализа грамматической категории рода с гендерных позиций. Род – важнейшая категория многих индоевропейских языков, в русском языке это суперкатегория, которая проявляется у всех именных частей речи и в ряде форм глагола. Известна универсалия: если язык имеет категорию грамматического рода, он обязательно имеет и категорию числа. Другая универсалия – в единственном числе язык всегда имеет большее количество родовых категорий, чем в любом неединственном числе. В русском языке во множественном числе число субституирует род, принимая на себя его функцию обозначения операционально независимого предметного концепта. Образование множественного числа – следствие оценки соответствующего предмета как самостоятельного, что представляет собой один из способов проявления независимой концептуальности, изначально характерной для существительного как части речи (Луценко Н.А., 1990, с. 21).

Помимо числа, род связан с категорией одушевленности и личности, и эта связь, конечно, глубже, чем простое совпадение флексий (ср. идею «одушевленного рода», версию о первоначальном распределении существительных по родовым группам, теорию согласовательных классов и пр.) С помощью родовых форм достигаются структурная спаянность и единство различных разрядов слов, резко различающихся по своим лексико-грамматическим особенностям (существительное и глагол, существительное и причастие и т.п.). Род характеризует лексему в целом, в отличие, например, от категории числа, однако семантика родовой формы может варьироваться в зависимости от коммуникативно-прагматических условий. Род – это грамматическая категория, а значит, это область облигаторного, строго предписанного системой. Грамматические значения чаще всего выражаются помимо воли говорящего, однако для определенного класса имен возможен выбор рода как самого имени (*учитель – учительница*), так и согласуемых слов (*учитель пришел/пришла*). То есть при общности понятийных категорий (глубинная семантика) языковые семантические функции (поверхностная семантика) могут различаться.

Говоря о роли и месте грамматических аспектов в гендерных исследованиях, М.В. Ласкова подчеркивает, что, исследуя грамматические закономерности речи, нельзя не учитывать того обстоя-

тельства, что говорящий вступает в речевое общение лишь при наличии вполне определенных коммуникативных интенций и опирается при этом на весь набор pragматических, социокультурных и психологических факторов, определяющих дискурс. К выражению авторских интенций могут подключаться все грамматические элементы, в том числе и формы рода различных частей речи.

Будучи грамматической категорией, обладающей знаковой природой, род наделен такими общими свойствами, как семантика, синтаксика и pragматика, и лингвистическое описание этой категории невозможно без анализа взаимодействия и соотношения этих аспектов. Для рода личных существительных, в отличие, скажем, от признаковых частей речи, на первый план выходят семантика и pragматика, хотя, конечно, и сочетаемостные возможности родовых форм существительных не могут совершенно исключаться из характеристики (ср. случаи, когда при слове «врач» невозможны определения мужского рода, т.е. невозможно то, что на сегодняшний день является нормой: хорошенъкая врач, но не хорошенъкий врач — о женщине) (Ласкова М.В., 2001, с. 161).

В языке последних десятилетий произошла нивелировка стилистических и семантических различий под влиянием крушения официального языка советской эпохи, не стало авторитетных образцов (или снизилась их роль). Это привело к появлению более сложной палитры эмотивности у женских родовых коррелятов. Употребление парных наименований мужского и женского рода предполагает высокий уровень коммуникативной компетенции, которая, в свою очередь, позволяет расшифровать семантические ассоциации или коннотации — те элементы pragматики, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции.

Именно поэтому в современных интерпретациях рода наиболее целесообразны ориентация на изучение категории грамматического рода с коммуникативной и pragматической сторон, рассмотрение его функций в тексте в качестве воплощения авторских интенций.

Род, особенно в сфере личных существительных, — это вовсе не «паразитический концепт», навязанный языку и подлежащий устранению в ходе прогрессивной эволюции, род — это категория, воспринимаемая как отражение естественного порядка вещей, обладающая собственной «лингвокреативной» силой и богатейшими изобразительно-выразительными возможностями.

Изучение рода в гендерной перспективе открывает новые подходы в познании сущности грамматических оппозиций. Когда один булгаковский персонаж (женщина) говорит о себе *заведующий*, а другой (мужчина) поправляет ее и говорит о ней *заведующая*, проявляются именно различные гендерные стереотипы (старой России и Совдепии). Опора на идеи нормативности/ненормативности, даже со всеми модификациями – понятиями коммуникативной, ситуативной, вертикальной норм – вряд ли поможет постичь и адекватно описать подобные явления. И известные эмоционально-экспрессивные свойства категории рода здесь оказываются незначимыми. Рассмотрение же категории рода с позиций гендерологии, на наш взгляд, обладает реальной объяснительной силой.

Известно, что грамматическая семантика вначале изучала по преимуществу единицы системы (к примеру, в любой грамматике так или иначе идет речь о номинативном содержании категории рода), затем – поведение этих единиц и взаимодействие в тексте (различные типы функциональных грамматик). Очевидно, настало время сделать следующий шаг: представить грамматическую семантику в неразрывной связи со всем комплексом экстралингвистических факторов, которые (хотя и опосредованно) отражены в функционировании грамматических форм.

Язык, являясь системой символизации опыта и сокровищницей недостаточно изученных сведений, отражает и закрепляет в своих единицах определенные связи и отношения между реалиями. Исследуя содержательную природу категории рода, различные способы представления гендерных отношений, можно получить представление об элементах языковой картины мира. То есть лингвистические исследования, в том числе гендерные, могут способствовать расшифровке того, что называют культурными и социальными кодами цивилизации, – с принятыми в ней системами ценностей, норм, стереотипов восприятия.

Изучение грамматической категории рода в аспекте гендерологии – это еще один способ уйти от лингвистического изоляционизма, приобрести интегральный взгляд на природу языка, который, как объективная данность, существует не сам в себе, а в связи со всеми проявлениями человеческого духа (Ласкова М.В., 2001, с. 161–163).

Для гендерологии, как и вообще для современной лингвистики, характерны междисциплинарный подход к языковым явлениям и заметное размывание собственных границ. О том, что лингвистика часто уходит в сторону многочисленных смежных гуманитарных и естественных проблем, о том, что очертания лингвистики становятся все более неясными, расплывчатыми, как бы уходящими в бесконечность, часто пишут с сожалением: «Многие современные монографии и диссертации экстенсивны по форме и особенно по содержанию, переотягощены нелингвистической информацией и затрудняют целостное восприятие самого языка и науки о нем» (Лыков А.Г., 1999, с. 3). В то же время сегодня как никогда актуально положение: «Все, что имеет отношение к функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» (Кибрик 1992, с. 20).

Очевидно, что гендерными исследованиями последнего десятилетия подготовлена база для того, чтобы на их основе провести анализ грамматической презентации гендерных отношений в языке. По афористическому выражению С.И. Карцевского, «дух языка определяется его грамматикой, а не словарем» (Карцевский С.И., 2000, с. 26). Это бесспорно, если под «духом» понимать типологические особенности. Однако «дух» языка заключается и в передаче актуальных смыслов, которые не передаются с помощью грамматических оппозиций. Гендерные отношения передаются в языке разноуровневыми средствами: лексическими (ср. лексему «человек», которая в ряде случаев оказывается непригодной, если речь идет о женщине), морфологической категорией рода одушевленных существительных, синтаксическими средствами.

Таким образом, в современном исследовании выбор в качестве главного объекта морфологической категории одновременно предполагает учет факторов, относящихся к другим системным уровням. Вообще в грамматической науке конца XX в. создается новый вид таксономии – функционально ориентированной, с неизбежным интересом к пресуппозитивным факторам в речевой коммуникации и их развитию в пользовании языковой системой, с ответами не только на вопрос «Как?», но и на вопросы «Зачем?» и «Почему?» (см.: Николаева Т.М., 2000, с. 15–16). Очевидно, что ответы на эти вопросы не могут быть получены в строго очерченных рамках грамматических противопоставлений.

Анализируя методологические проблемы гендера в лингвистике, Д.О. Добровольский и А.В. Кирилина (Добровольский Д.О., Кирилина А.В. 2000, с. 19–35) особо останавливаются на недопустимости прямых экстраполяций пола-рода. Преобладание существительных мужского рода само по себе еще не свидетельствует о «мужском сексизме» языка.

Подводя итог изысканиям в области гендерологии грамматической категории рода, М.В. Ласкова приходит к общему заключению.

1. Переход от имманентной лингвистики, изучающей язык в самом себе и для себя, к лингвистике антропоцентрической (или антропофилической) знаменует новую парадигму лингвистических исследований – когнитивную, в центре внимания которой находится изучение человека со всеми его экзистенциальными, в том числе и гендерными, характеристиками.

2. Концепт «гендер» несводим ни к биологическому полу, ни к грамматическому роду, однако соотносится с ними и создает комплекс базовых для каждого языка ассоциаций.

3. Современная гендерология сосредоточена на описании различий мужских и женских вариантов речевого поведения, лексических (идиоматических) единицах с семантическим компонентом «пол», на выявлении «сексистских» элементов в языке. Грамматика вовлечена в сферу гендерных исследований гораздо слабее (Ласкова М.В., 2001, с. 17).

Список литературы

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 5–12.

Даниленко В.П. Дисциплинарная структура грамматики // Филол. науки. – М., 1992. – № 3. – С. 25–31.

Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – С. 19–35.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. – М., 1993. – С. 38–45.

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996. – 255 с.

Карцевский С.И. Из лингвистического наследства. – М, 2000. – 320 с.

Кибрук А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания. – М., 1992. – 252 с.

Кирилина А.В. Женский голос в русской паремиологии // Женщина в российском обществе. – М., 1997. – № 3 – С. 23–26.

Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филол. науки. – М., 1998. – № 2. – С. 51–58.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999. – 189 с.

Кирилина А.В. О применении приятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 2000. – № 3. – С. 28–36.

Косых Е.А. Соотношение концептов «пол», «секс», «гендер» в современном русском языке // Исследования по семантике. – Уфа, 2001. – С. 284–292.

Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. – Ростов н/Д, 2001. – 192 с.

Луценко Н.А. О перестановке маркированности в грамматических корреляциях // Системные и функциональные аспекты языка. – Тарту, 1988. – С. 98–105.

Лыков А.Г. Опыт модели языка. – Краснодар, 1999. – 87 с.

Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода: (На примере оппозиции «мужчина / женщина») // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 48–57.

Николаева Т.М. От звука к тексту. – М., 2000. – 245 с.

Полубличенко Л.В. Мужской и женский язык рекламы // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – № 2. – С. 46–51.

Потапова Р.К. Сексолект как составляющая экспертной фоноскопии в криминалистике // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – С. 137–150.

Пушкирева Н.Л. Гендерный подход в исторических науках // Вопр. истории. – М., 1998. – № 6. – С. 35–41.

Ушакин С.А. «Поле» пола: В центре и по краям // Вопр. философии. – М., 1999. – № 5. – С. 65–74.

Хоткина З. Летние школы по гендерным исследованиям в России 1990-х годов как модель образования // Пол, гендер, культура: Немецкие и русские исследования. – М., 2000. – С. 75–79.

Шоре Э., Хайдер К. Предисловие // Пол, гендер, культура: Немецкие и русские исследования. – М., 2000. – С. 3–15.

Christie Ch. Gender and language: Towards a feminist pragmatics. – Edinburgh, 2000. – 232 p.

Fishman P. Conversational insecurity// The feminist critique of language. – L., 1998. – P. 253–258.

Jespersen O. Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. – Heidelberg, 1925. – 305 S.

Lakoff R. Language and Women's Place // Lang. in Soc. – L., 1973. – N 2. – P. 28–36.

Samel L. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. – B., 1995. – 238 S.

Sperber D., Wilson D. Relevance. – Oxford, 1995. – 235 p.

Tafel K. Die Frau in Spiegel der russischen Sprache. – Wiesbaden, 1997. – 287 S.

Weiss D. Frau und Tier in der sprachlichen Grenzzone: Diskriminierende Strukturen slawischer Sprachen // Slav. Linguistik. – B., 1984. – S. 317–358.